

Житие

Преподобный Анатолий Оптинский (младший)

Краткое житие

Оптинский Старец Анатолий Младший имел „сердце милующее», близость к нему сама по себе утешала. «Всегда смиренный и никогда не унывающий» — в народе его ласково называли Анатолием-утешителем. В. Быков, автор книги «Тихие обители», писал: «Если так можно выразиться, у этого старца переизбыточествует по отношению ко всем одинаковое чувство какой-то материнской любви». Протоиерей отец Сергей Четвериков вспоминал: «Отец Анатолий и по своему внешнему согбенному виду, и по своей манере выходить к народу в черной полумантии, и по своему стремительному радостно-любовному и смиренному обращению с людьми напоминал преподобного Серафима Саровского. В нем ясно чувствовались дух и сила первых великих Оптинских старцев“.

Преподобный Анатолий Младший, (в миру Александр Алексеевич Потапов), родился 15 февраля 1855 года в городе Москве, в старинной купеческой семье. Родителями воспитан был в благочестии и страхе Божиим, и еще с ранних лет в сердце его возгорелось желание всецело посвятить свою жизнь Богу и стать монахом. Однако мать не благословила раннее стремление сына оставить мир и пожелала, чтобы он пребыл с нею до ее кончины. Александр закончил уездное училище, а затем занимался торговлей, служил приказчиком в Калуге. Жизнь в миру подготовила его к будущему старческому служению: занимаясь торговым делом, он узнал мир, увидел множество людей, что пригодилось ему в духовном руководстве всех, обращающихся к нему за помощью.

После кончины матери 15 февраля 1885 года, когда Александру было тридцать лет, он поступил в [Оптину Пустынь](#) и был определен в Скит келейником преподобного Амвросия. 23 апреля 1888 года, в Великую Субботу, в скитской церкви, послушник Александр был пострижен в рясофор. Одновременно с отцом Александром, келейником преподобного старца Амвросия был инок Нектарий (Тихонов). Преподобный Амвросий, провидя их совместное

старческое служение в последующие годы, часто посылал их друг к другу за разъяснениями в различных духовных вопросах, приучая к духу советования и сотрудничества.

О первых шагах отца Анатолия на пути старчества сохранилось воспоминание одной сельской учительницы. Будучи духовным чадом преподобного старца Амвросия, в одну из своих поездок в Оптину она пригласила с собой знакомую. Та собиралась неохотно: „Ну, что теперь в Оптиной! Это когда-то были старцы, а теперь уж их нет больше!“ А приехав в монастырь, после службы отправилась прямо в гостиницу, ничего не желая знать о Ските. Прошло несколько дней, и она решила прогуляться. Нарядная, в шляпе, в красной мантилье, подошла к Скиту, села с книгой на лесенке старческой „хибарки“. Вышел келейник с ведерком, пошел за водой к колодцу. „Откуда ты, раба Божия?“ — спросил смиренно и ласково. — „Вот они, хваленые монахи, пристают с вопросами“, — с гневом подумала дама и отвернулась в гордом молчании. А инок Александр, набрав в колодце воды, опять подходит. И начинает рабе Божией сам рассказывать, кто она, откуда, и такое напоминает ей, что хотелось бы забыть навсегда. „Ах, — думает дама, — эта болтунья

Марья Михайловна все про меня тут разболтала». А отец Александр уже о том рассказывает, чего не только Марья Михайловна — ни одна живая душа не знала. Тут уж Ольга Константиновна сообразила, что перед нею необыкновенный человек. Она упала перед ним на колени и восторженно сказала: «Вы — святой!». С тех пор она стала по-другому относиться к оптинским монахам, сняла свой кричащий наряд, покрылась платочком и сделалась покорной ученицей батюшки».

После блаженной кончины преподобного старца Амвросия 10 октября 1891 года, отец Александр был определен келейником к его преемнику, скитоначальнику, преподобному старцу Иосифу. 3 июня 1895 года в скитской церкви инок Александр был пострижен в мантию с наречением имени Анатолий. А 5 июля 1899 года был рукоположен Калужским епископом Макарием в сан иеродиакона. Уже в это время многим посетителям Оптиной Пустыни стала открываться его духовная опытность. К нему обращались за советами, как к старцу.

В начале 1900 года отец Анатолий, не имея еще священнического сана, становится уже общепризнанным Оптинским старцем.

На праздник Благовещения Пресвятой Богородицы в 1906 году он был рукоположен в сан иеромонаха и почти одновременно, указом Калужской духовной консистории, назначен духовником Казанской Амвросиевской женской пустыни в Шамордино, и исправлял это служение до самой своей кончины.

К 1908 году число посетителей к старцу Анатолию так увеличилось, что даже настоятелю монастыря архимандриту Ксенофонту не удавалось протиснуться сквозь толпу, чтобы попасть на исповедь к Старцу. Тогда Преподобный, по благословению отца Настоятеля, переселился в монастырь, в келию при больничной церкви Владимирской Божией Матери. Часто приходилось видеть такую картину: в монастыре полное затишье, не видно даже монахов, а Владимирская церковь открыта и полна народа. Батюшка принимал всех без ограничения времени, несмотря на бесконечную усталость, на мучительную боль от ущемления грыжи, боли в кровотокающих ногах.

Исповедь у Старца обновляла и возрождала. Совершая исповедь в келии, Преподобный обычно подводил посетителя к божнице, ставил на колени, давал читать вслух общее

исповедание грехов, а после каждого исповедовал наедине. Во время исповеди он горячо молился за своих духовных чад. На исповеди преподобный Анатолий не оставлял на душе кающегося даже самых малых грехов и не разрешал, если видел нераскаянным даже малый помысл. После же исповеди давал наставления, всегда поражавшие точностью и прозорливостью.

В исповеди монашеской братии главное место занимало откровение помыслов.

«Сосредоточенно, благоговейно подходили монахи один за другим к старцу. Они становились на колени, беря благословение, обменивались с ним в этот момент несколькими короткими фразами. Некоторые проходили быстро, другие немного задерживались.

Чувствовалось, что старец действовал с отеческой любовью и властью. Иногда он употреблял внешние приемы. Например, ударял по лбу склоненного пред ним монаха, вероятно, отгоняя навязчивые приращения помыслов. Все отходили успокоенные, умиротворенные, утешенные. И это совершалось два раза в день: утром и вечером. Поистине, „житие“ в Оптиной было беспечальное и действительно все монахи были ласково-умиленные, радостные или сосредоточенно-

углубленные. Нужно видеть своими глазами результат откровения помыслов, чтобы понять его значение», — писал И. М. Концевич.

Как и все старцы, имел отец Анатолий великий дар исцелений, но совершал их прикровенно, посылая болящих, как правило, на источник преподобного Пафнутия близ Оптиной или на могилку старца Амвросия или посредством какой-нибудь вещи. Одна духовная дочь старца рассказывала, что однажды батюшка с ней послал грушу ее брату. Она удивлялась, почему именно младшему, а когда приехала, оказалось — он очень болен и врачи говорят, что надежды мало. Брат стал есть грушу по маленькому кусочку и вскоре выздоровел.. Другая духовная дочь рассказывала, как выздоровела, укрывшись подаренным батюшкой подрясником.

Известно множество случаев прозорливости старца. Многим он предсказывал будущие события в их жизни: одному священнику предсказал место служения, инокине — то, что она поедет в Италию. Одна женщина пришла с сыном Димитрием, старец хотел благословить его иконой великомученика Димитрия Солунского, но вдруг сказал сам себе: 'Нет, не то', — и благословил образом святителя

Димитрия Донского, имя которого и носил мальчик. Приходили к старцу юноша с девушкой, но он никак не благословлял их на брак. Когда они приехали уже в третий раз, старец все-таки благословил и подарил им странное полотенце: на одном конце его была праздничная вышивка, на другом — узор черной ниткой. Обвенчались, пошли дети, и вдруг муж умер от чахотки. Молодая вдова осталась одна с маленькими детьми и всю жизнь маялась. Одна духовная дочь старца вспоминала, как батюшка благословил ее в октябре, в жуткие холода, искупаться в Пафнутьевском источнике. Она никак не отваживалась, но старец настаивал, и вода в источнике, по его молитвам, оказалась совсем теплой. Пришедшая же с ней без благословения подруга даже не смогла от холода влезть в воду.

Однажды пришел к отцу Анатолию попавший в затруднительное положение крестьянин, оставшийся с семьей без крыши над головой, имея за душой лишь 50 рублей денег. Ему неоткуда было получить помощи. От горя он впал в отчаяние, по-деревенски закручинился и первым делом решил пропить эти деньги, оставить жену с ребятишками, а самому идти в Москву в работники. Но недаром говорят: утро вечера мудренее. Наутро первая мысль в голову:

«Сходи к старцу Анатолию», да и только. И пошел. Подходит под благословение, старец благословляет, как будто в лоб два раза ударяет, и кладет благословение медленно, чинно, а крестьянин и говорит: «Погибаю я, батюшка, хоть совсем умирай». — «Что так?» — «Да вот, так и так...», — и все рассказал крестьянин старцу. Старец Анатолий еще раз благословил его и сказал: „Не падай духом, через три недели в свой дом войдешь“. Так оно и случилось, помог ему Господь и дом построить, и другим человеком стать.

Как часто порывы, по-видимому, благие, продиктованные лучшими намерениями, могут оказаться опасными. Особенно это случается в молодости, когда нет еще ни достаточного опыта, ни связанной с ним осторожности. Казалось бы, чего проще: поделись со старшими, поступи сообразно их совету, но самые простые решения тому, кто увлечен, кажутся не приводящими к цели. Молоденькая девушка, воодушевленная примером самоотверженного служения сестер милосердия, изо всех сил стремится на фронт. Идет Первая мировая... А для нее мечта о подвиге соединилась с мотивом личным: там, на фронте, он, тот, ради кого она готова оставить своих родных. Дорогой в Оптину, обдумывая предстоящий разговор

со старцем, она со всей серьезностью подбирает доводы в пользу того, чтобы ехать. И как хорошо, что к батюшке она отправится без мамы: он, конечно же, поймет и благословит ее, а мать должна будет подчиниться слову старца. Ехала, и улыбалась своим мечтам. В приемной старца Анатолия народу видимо-невидимо. Кого тут только нет! Крестьяне и военные, сановитые дамы с заплаканными глазами и монашечки...Время-то какое! Война...

Мысленно повторяла все, что собиралась сказать батюшке, как вдруг приоткрылась дверь, и из кельи в приемную вышел старичок-монах, и прямо к ней: «А ну-ка иди ко мне». И куда только делась вся смелость: душа в пятки ушла. Улыбка у отца Анатолия ласковая, сам он — благость и добродушие, а девица наша словно дар речи потеряла от того, что поняла: батюшка видит ее насквозь. В келье молчание прервал отец Анатолий: «А ты почему маму не слушаешься?» — «Вот, что я тебе скажу: мать твоя лучше тебя знает, тебе на войне не место, там не одни солдаты, там и офицеры; это тебе не по характеру. Когда я был молод, я хотел быть монахом, а мать не пустила, не хотела, и я ушел в монастырь тогда, когда она умерла. Теперь ты вот что мне скажи: замуж хочешь?» Видя, что девушка молчит от того, что ее затея

оказалась напрасна, старец продолжал: «Ты сейчас любишь его за красоту! Выходи за него замуж, когда почувствуешь, что жить без него не сможешь. Я знаю случай такой: муж был на войне, когда его убили. Жена в этот же час умирает дома. Вот тогда только и выходи».

Благословив гостью Казанской иконой Божией Матери, батюшка ободрил ее: «Когда приедешь в Петроград, не думай, что тебе нечего будет делать — будешь занята». Вот так, несколькими словами было остановлено ребячливое стремление, последствия которого могли быть непоправимыми. И, удивительно, ни разочарования, ни протеста, ни досады на батюшку, неожиданно принявшего сторону матери, девушка не чувствовала. Все растворила, заполнила собой исходившая от старца теплота. Пришло и новое, незнакомое прежде чувство: все подаст Господь в свое время, надо только иметь терпение и доверие к Его святому Промыслу. А слова отца Анатолия полностью подтвердились: по возвращении его посетительницы в столицу, ей тут же предложили работать в госпитале, а замуж она вышла за адъютанта штаба дивизии. Такое вот простое, но опытно пройденное, напоминание о важности родительского благословения.

Душевная чистота отца Анатолия позволяла ему увидеть некоторые ситуации в несколько ином свете, чем это представлялось не только мирянам, но и священникам. Узнаваемая домашняя ситуация: муж трудится, не покладая рук, над строительством храма, спешит закончить быстрее, на радость людям, а дома немирно — супруга чинит препятствия, и всё недовольна его опозданиями — то обед простыл, то ужин передержала, и вся жизнь идет вразлад. Обращаются к батюшке с просьбой помолиться об умирении строптивного женского сердца. А батюшка, вопреки всем прогнозам, благословляет...уступить жене. Ведь, если распадется семья священника, не больший ли это будет вред для церкви, чем небольшая задержка строительства? За мотивом благим и внешне добрым старец в миг угадывает действие притаившегося в мудровании греха: к благому делу примешалось тщеславие, забота о том, чтобы показаться перед людьми, позабыв о самых близких...

Памятным событием в истории Оптиной Пустыни было посещение ее в 1914 году Великой Княгиней Елизаветой Федоровной. В первый же день пребывания в Оптиной Великая Княгиня познакомилась с отцом Анатолием, исповедовалась у него, имела

со Старцем продолжительную беседу. Осталось тайной, о чем беседовали они, но, безусловно, эта поездка в Оптину стала духовным приуготовлением Преподобномученицы к ее крестному подвигу...

Почитателем старца Анатолия был известный московский „старец в миру“ святой праведный протоиерей Алексей Мечев. „Мы с ним одного духа“, — говорил отец Алексей. Среди тех, кто пользовался духовными советами преподобного Анатолия, были: архиепископ Серафим (Соболев), митрополит Трифон (Туркестанов), священник Николай Загоровский.

По благословению отца Анатолия принял в 1917 году священный сан известный духовный писатель протоиерей Валентин Свенцицкий, исповеднически закончивший свою жизнь в ссылке. В 1905 году у старца Анатолия искал разрешения важных вопросов христианской жизни отец Павел Флоренский.

Преподобному определено было стать свидетелем исполнения грозных пророчеств Оптиных старцев. Начались гонения на монахов со стороны новых властей. Монахов ссылали, арестовывали, издевались над ними. Когда духовные чада предложили преподобному Анатолию на время оставить Оптину, он ответил

решительным отказом: „Что же в такое время я оставляю святую обитель? Меня всякий сочтет за труса, скажет: когда жилось хорошо, то говорил: терпите — Бог не оставит, а когда пришло испытание, первый удрал. Если и погонят, то тогда оставляю святую обитель, когда никого не будет. Последний выйду и помолюсь, и останкам святых старцев поклонюсь, тогда и пойду“.

После закрытия монастыря и реорганизации его в сельхозартель старец был арестован. По дороге в тюрьму он тяжело заболел, и ему, ошибочно приняв за тифозного, остригли волосы и бороду. Вернулся он в обитель совсем измученный, еле живой, но со светлой улыбкой и благодарением Господу. Когда его увидели остриженным, многие не узнали батюшку, а потом очень опечалились. Старец Анатолий веселый вошел в келлию и сказал, перекрестившись: „Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!“ — и, осмотрев всех, добавил: „Посмотрите, каков я молодчик!“. Потом сел пить чай и весело рассказывал о своей поездке в Калугу: „Как там хорошо! Какие люди хорошие! Когда мы ехали в поезде, у меня была рвота. Дошли пешком, а там владыка Михей почему-то стал требовать лошадь. И зачем это он выдумал? Все братья пошли, а мы сидели

в „чеке“. Там курили, было душно. У меня поднялась рвота, и меня отправили в больницу, подумали, что у меня тиф. Там меня остригли, но это ничего — так гораздо легче. Доктор такой хороший сказал, что по ошибке счел меня за тифозного и велел остричь, — очень извинялся. Такой хороший! Сторож в больнице тоже очень хороший... Сестра — тоже очень хорошая — была у отца Амвросия... Да, хорошие люди, хорошие... Знаешь, тот, кто меня арестовал, после сказал, что по ошибке меня арестовал, и просил простить его и даже руку у меня поцеловал. Я сказал, что это ничего, что я очень рад, что съездил в Калугу“. Свою „арестантскую“ поездку в Калугу в сопровождении чекистского конвоя, поругания и тяжкие страдания старец описывал с детским беззлобием и райским благодушием — как духовное паломничество. Старец никого не осудил. В тяжких испытаниях он явил правду Божию, исполнил заповедь Господню о любви к врагам: благословлял глумившихся, прощал ненавидевших, молился за обижающих.

Уже во второй половине 1918 года в Оптиной Пустыни стало не хватать хлеба. Братия и старцы терпели голод, и после службы из церкви все выходили в большой физической слабости. Старец в письмах смиренно просил

духовных детей привезти для братии хлеба, благословлял шамординских сестер ездить в другие губернии выменивать хлеб, и каждый раз, по молитвам старца Анатолия, чудесно находились жертвователи хлеба и всегда, несмотря на военные действия, хлеб удавалось благополучно доставить в монастырь.

В послереволюционные годы зимой в келии Старца почти не топили. Не хватало дров. Ослепленная красной пропагандой молодежь выбивала в его келии стекла. Одну зиму дом простоял с несколькими выбитыми окнами. В морозные ночи вода, если ее забывали вылить, застывала в кружке на столе. Все это расстроило и без того слабое здоровье Преподобного. Старец при этом сохранял удивительное спокойствие, ободряя тем самым и монашескую братию...

В 1921 году настоятель монастыря преподобный Исаакий предложил Старцу принять схиму. Во время пострига преподобный Анатолий был так слаб, что не мог сам держать свечу и схимнические обеты произносил едва слышным голосом. Казалось, надежды на выздоровление нет. Но после принятия схимы, по милости Божией, ему сделалось лучше, он стал есть и понемногу подниматься с постели.

Началось новое гонение на братию, насельников монастыря арестовывали и высылали. Более всего новую власть не устраивало пророческое служение старцев, которые в своих наставлениях укрепляли народ стоять в Православии, с терпением нести попущенные Богом скорби. Монастырь был объявлен „рассадником контрреволюционной пропаганды».

В монастырь 29 июля 1922 года приехала чрезвычайная комиссия. Старца Анатолия долго допрашивали и хотели увезти. Батюшка сохранял мирное расположение духа и смиренно попросил отсрочить арест на один день, чтобы ему можно было подготовиться в путь. Чекисты согласились, пригрозив келейнику, чтобы назавтра Старец был обязательно готов к отъезду. После этого Преподобный уединился у себя в келии. Старец в молитве предал свою душу Богу, он скончался 30 июля 1922 года в 5 часов 40 минут утра.

На другой день утром приехала комиссия. Спросили келейника: «Старец готов?» — „Да, — ответил он, — готов“ и открыл перед посетителями дверь келии, посреди которой уже стоял гроб с телом почившего Старца. Так Господь чудно призвал к Себе

Своего верного раба, исполнившего все Его повеления и заповеди, сподобив Своего угодника в последнюю ночь молитвенно приготовиться „в путь всея земли» и не попустив надругаться над Своим избранным сосудом...

Старца Анатолия погребли возле могилки преподобного Амвросия, на том самом месте, где он долго стоял за две недели до смерти, повторяя: «А тут ведь вполне можно положить еще одного. Как раз место для одной могилки. Да, да, как раз....»

Святые мощи преподобного Анатолия Оптинского были обретены 27 июня / 10 июля 1998 года и в настоящее время пребывают в храме-усыпальнице в честь Владимирской иконы Божией Матери. Преподобне отче наш Анатолие, моли Бога о нас!

ПОЛНОЕ ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО Анатолия (Потапова) СТАРЦА ОПТИНСКОГО

[Чти отца твоего и мать твою](#)

[Его жизнь в миру стала приготовлением к старческому служению](#)

[Начало монашеской жизни](#)

Как свеча загорается от свечи

Какой чудесный келейник у отца Амвросия!

О первых шагах на пути старчества

Предсказание исполнилось

Благоговейно чтит память своего духовного отца

Монашеский постриг

Рукоположение в иеромонахи

Он впитал дух Оптинского подвижничества

Как благословите

Всегда смиренный и никогда не унывающий

Исповедь у Старца обновляла и возрождала

Духовные дары старца Анатолия

Те, кто пользовался советами старца Анатолия...

Приезды в Петербург

Что же в такое время я оставляю святую обитель?

Побыть вместе с любимым духовником

Исполнил заповедь Господню о любви к врагам

Новые гонения

Так Господь чудно призвал к Себе Своего верного раба

А тут ведь вполне можно положить еще одного

Старец Анатолий (Потапов) был одним из последних Оптиных старцев. Будучи учеником великого Амвросия, он стал свидетелем закрытия Оптиной Пустыни, пережил Русскую Голгофу 1917 года и оставил огненные пророческие слова и молитвы, обращенные к будущей России.

Преподобный Анатолий Младший имел „сердце милующее“, близость к нему сама по себе утешала. "Всегда смиренный и никогда не унывающий" — в народе его ласково называли Анатолием-утешителем. В. Быков, автор книги «Тихие обители», писал: «Если так можно выразиться, у этого старца переизбыточествует по отношению ко всем одинаковое чувство какой-то материнской любви». Протоиерей отец Сергей Четвериков вспоминал: "Отец Анатолий и по своему внешнему согбенному виду, и по своей манере выходить к народу в черной полумантии, и по своему стремительному радостно-любовному и смиренному обращению с людьми напоминал преподобного Серафима Саровского. В нем ясно чувствовались дух и сила первых великих Оптиных старцев".

Житие старца Анатолия, в отличие от жизнеописаний предыдущих Оптиных старцев, после революции некому уже было составлять. Сохранились разрозненные воспоминания паломников, записи духовных чад, письма Старца, в которых подчас недостает биографических подробностей, но зато ярко и живо очерчен его образ. Истинное житие любого старца – не во внешних событиях, а в духовном окормлении тысяч и тысяч людей.

Чти отца твоего и мать твою

Преподобный и богоносный отец наш Оптинский старец иеросхимонах Анатолий, прозываемый «Младшим» (или «Маленьким»), в миру Александр Алексеевич Потапов, родился в 1855 году в первопрестольном граде Москве; здесь же и прошли его детские и юношеские годы. В «Формулярном списке монашествующих и послушников Козельской Введенской Оптиной Пустыни и Предтеченского Скита» указано, что происходил он «из мещан». Александр Потапов вырос в большой семье, был воспитан в страхе Божиим и православном благочестии.

Еще в молодости сердце юноши возгорелось желанием всецело посвятить свою жизнь Богу и стать монахом. Будучи совсем молодым человеком, Александр предпринял попытку уйти

из мира. Однако мать желала, чтобы сын пребыл с нею до ее кончины. Об этом известно только по некоторым отрывочным словам самого старца Анатолия. Однажды он сказал своей духовной дочери (будущей игумении Варваре (Цветковой), желавшей принять монашество: «Только не спеши, я вот ушел рано, а мать пришла и назад взяла».

И не раз еще Старец вспоминал об этом: «Когда я был молод, а мать не пустила, не хотела, и я ушел в монастырь тогда, когда она умерла». А на вопрос о принятии монашества Старец как-то ответил: «Молись, дитя, и Бог укажет тебе твой путь. Я сам одиннадцать лет жил в мире с матерью после того, как уже твердо решил идти в монастырь. А вот пришло время, и Бог помог осуществить мне мое желание. Другой и женится, но если Богу угодно, Он все-таки призовет его к Себе. Овдовев вдруг, примет монашество, и таким образом, в конце концов он найдет свою настоящую дорогу. Итак, молись, дитя мое, Бог просветит тебя и укажет твой истинный путь».

Старец Анатолий, подобно преподобному Сергию Радонежскому, совершенно исполнил заповедь Божию о почитании родителей: пребыл с матерью до ее кончины, еще в миру положив

начало исполнению главного монашеского обета – послушания. «Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет, и да долголетен будеши на земли».

Его жизнь в миру стала приготовлением к старческому служению

О жизни Старца в миру известно немного. Жизненный путь его до поступления в монастырь оказался похожим на путь его великих предшественников: Оптинских старцев иеросхимонаха Льва, схиигумена Антония, схиархимандрита Моисея. Александр Потапов учился в уездном училище, служил приказчиком в Калуге, так что по роду службы он мог еще и раньше бывать в Оптиной Пустыни. Александр также занимался торговым делом: «У нас торговля была своя красным товаром», – рассказывал он. Его жизнь в миру промыслительно стала приготовлением к старческому служению: занятие торговым делом позволило ему узнать мир, увидеть множество людей, побывать в разных житейских ситуациях. Этот опыт впоследствии пригодился в духовном окормлении приходивших к нему людей.

Собственно, это все, что мы знаем о жизни будущего Оптинского старца до тридцати лет.

Быть может, этот возраст, год мужеской зрелости, когда вышел на проповедь миру его Божественный Учитель – Христос, есть некое прикровенное указание на судьбу Христова ученика. Евангелие передает нам лишь несколько драгоценных слов о жизни Спасителя до тридцатилетнего возраста, тайной повиты Его юные годы, – вправе ли мы требовать большей полноты знания об одном из последовавших за Ним?

Начало монашеской жизни

В Оптину Пустынь Александр Потапов поступил после кончины своей матери – пятнадцатого февраля 1885 года, когда ему было тридцать лет. Он был определен в скит келейником преподобного старца Амвросия. Двадцать третьего апреля 1888 года, в Великую Субботу, в скитской церкви послушник Александр был пострижен в рясофор. Одновременно с отцом Александром, келейником преподобного старца Амвросия был инок Нектарий (Тихонов). Преподобный Амвросий, провидя их совместное старческое служение в последующие годы, часто посылал их друг к другу за разъяснениями в различных духовных вопросах, приучая к духу сотрудничества.

Как свеча загорается от свечи

Послушник Александр стал свидетелем духовных подвигов и старческого служения последних лет жизни великого старца Амвросия, когда к его хибарке в скиту притекала «вся Россия». Как свеча загорается от свечи, так и отец Анатолий принял от великого старца благодать старчества. Еще будучи его келейником, отец Анатолий проявлял благодатные дары прозорливости и любви.

Светлый лик отца Анатолия – это воспоминание оставалось у тех, кто посещал хибарку преподобного Амвросия, прося молитв и благословения великого старца. Вот что вспоминал иеромонах Варнава, живший у отца Анатолия в келейниках почти десять лет и вынужденный лишь по болезни оставить любимое послушание: «А уж как красив был батюшка Анатолий... ну прямо как ангел. Батюшка отец Анатолий был келейником у отца Амвросия и у отца Иосифа. Придешь, бывало, к отцу Амвросию, а отец Анатолий да как это отворит, да как-то посмотрит, да улыбнется, да обласкает...»

Какой чудесный келейник у отца Амвросия!

А вот свидетельство человека, немало потрудившегося во славу Божию, знакомого с Оптиной в течение почти тридцати лет, послужившего памяти о святых старцах Амвросии и Анатолии (Зерцалове), одного из летописцев Оптиной – протоиерея отца Сергия Четверикова: «Когда-то он [старец Анатолий (Потапов)] был келейником у отца Амвросия и жил в скиту. Будучи еще в сане иеродиакона, в 1905 году, он уже привлекал к себе внимание и сердца богомольцев своим внимательным, любовным выслушиванием их печалей и жалоб. Особенно льнули к нему старухи-крестьянки. Мне пришлось быть у него в 1905 году в его маленькой, тесной кельи в глубине скита... Рядом с ним, в другой кельи, помещался отец Нектарий. Мы сидели втроем за самоваром у отца Анатолия. Небольшого роста, немного сгорбленный, с чрезвычайно быстрой речью, увлекающийся, любовный – отец Анатолий уже тогда оставил во мне неизгладимое впечатление».

Раба Божия Нина Владимировна вспоминает, как приходившие к старцу Амвросию богомольцы шутили: «Какой чудесный келейник у отца Амвросия, лучше самого Батюшки!»

О первых шагах на пути старчества

О первых шагах отца Анатолия на пути старчества сохранилось воспоминание одной сельской учительницы. Будучи духовным чадом преподобного старца Амвросия, в одну из своих поездок в Оптину она пригласила с собой знакомую. Та собиралась неохотно: „Ну, что теперь в Оптиной! Это когда-то были старцы, а теперь уж их нет больше!" А приехав в монастырь, после службы отправилась прямо в гостиницу, ничего не желая знать о Ските. Прошло несколько дней, и она решила прогуляться. Нарядная, в шляпе, в красной мантилье, подошла к Скиту, села с книгой на лесенке старческой „хибарки". Вышел келейник с ведерком, пошел за водой к колодцу. „Откуда ты, раба Божия?" – спросил смиренно и ласково. – „Вот они, хваленые монахи, пристают с вопросами", – с гневом подумала дама и отвернулась в гордом молчании. А инок Александр, набрав в колодце воды, опять подходит. И начинает рабе Божией сам рассказывать, кто она, откуда, и такое напоминает ей, что хотелось бы забыть навсегда. „Ах, – думает дама, – эта болтунья Марья Михайловна все про меня тут разболтала". А отец Александр уже о том рассказывает, чего не только Марья Михайловна

– ни одна живая душа не знала. Тут уж Ольга Константиновна сообразила, что перед нею необыкновенный человек. Она упала перед ним на колени и восторженно сказала: "Вы — святой!". С тех пор она стала по-другому относиться к оптинским монахам, сняла свой кричащий наряд, покрылась платочком и сделалась покорной ученицей батюшки".

Предсказание исполнилось

К этому времени относится и рассказ отца Пантелеимона: «Когда я надумал поступить в Оптину Пустынь, меня батюшка отец Амвросий не принимал. Все у нас с ним выходило несогласие: он принимает – мне не хочется, я хочу – он не принимает. Долго так было. Однажды стою у Батюшки и что ему ни говорю, все не соглашаюсь с ним, а потом хотел уйти, зацепился за скатерть на столике, и все, что было на столе, полетело на пол. Батюшка закричал келейнику: «Отец Александр, возьми этого дурака!» Отец Александр (потом отец Анатолий) взял меня за руку и повел вон. А там, когда вывел, стал меня трясти и приговаривать: «Этот будет наш, этот будет наш!» А я говорю: «Что ты врешь?» – так на него рассердился. Отец Анатолий был доброты необыкновенной. Все переносил с благодушием».

Предсказание келейника исполнилось: иеромонах Пантелеимон стал впоследствии казначеем Оптиной пустыни и был одним из свидетелей кончины старца Анатолия. В тридцатые годы после закрытия Оптиной пустыни он сподобился мученического венца.

Благоговейно чтит память своего духовного отца

После кончины старца Амвросия десятого октября 1891 года отец Анатолий был определен келейником к его преемнику – скитоначальнику старцу Иосифу (Литовкину). Старец Анатолий благоговейно чтит память своего духовного отца, любил посещать могилку преподобного Амвросия, получая большое утешение. Как-то духовная дочь отца Анатолия Нина Владимировна искусилась и сказала: «Ни за что не пойду к Батюшке на могилку, ни за что». Когда она пришла к старцу Анатолию, он, прозрев ее искусительные помыслы, наставил: «Вот я ездил к своему духовному отцу на могилку. Большое утешение получил. Большое утешение».

Из уст старца Анатолия нередко можно было услышать: «На могилку. На могилку...» – так благословлял он прибегать к многоцелебной помощи преподобного Амвросия. Старец

Анатолий безусловно верил в святость своего духовного отца, молитвенно обращался к нему за помощью как к святому. Вот поэтому и советовал он, наряду со св. Василием Великим, Иоанном Златоустом, Григорием Богословом и Тихоном Калужским призывать имя и Амвросия Оптинского.

Монашеский постриг

Третьего июня 1895 года в скитской церкви послушник Александр был пострижен в монашество с наречением имени Анатолий. По древнему монашескому правилу, сохранявшемуся в Оптиной Пустыни, имя было дано по начальной букве мирского имени – в честь святителя Анатолия, Патриарха Константинопольского. Имя при постриге в Оптиной Пустыни давалось обычно с каким-нибудь прикровенным смыслом: «Анатолий» в переводе с греческого языка означает «Восток» – это одно из библейских имен грядущего Мессии; на восток обращен и алтарь всякого православного храма. Имя «Анатолий» как бы подразумевает постоянную молитвенную обращенность к Христу-Востоку (это святое имя носил и другой великий Оптинский старец - иеросхимонах Анатолий (Зерцалов), которого называли «Большой» или «Старший»).

Рукоположение в иеромонахи

На праздник Благовещения Пресвятой Богородицы в 1906 году иеродиакон Анатолий был вызван правящим архиереем в Калугу. И двадцать шестого марта 1906 года преосвященный Вениамин, епископ Калужский, совершил рукоположение отца Анатолия в иеромонахи.

Указом Калужской Духовной Консистории от шестого марта 1906 года отец Анатолий был назначен духовником соседнего с Оптиной Шамординского женского монастыря и исправлял это служение до самой кончины.

Он впитал дух Оптинского подвижничества

В своей книге «Оптина Пустынь и ее время» И. М. Концевич писал: «С юных лет впитал он (отец Анатолий) дух Оптинского подвижничества – суровое, напряженное бодрствование духа, скрытого в своей келлии, той «расселины в скале, где Господь говорит Моисею», по выражению преподобного Исаака Сирина, с одной стороны, и с другой – простое искреннее отношение ко всему внешнему, видимому, как к братии, посетителям, природе, свету Божию. Уставной ход жизни обители с ее богослужением, старцами, насыщенное духовно-

просветительской деятельностью, воспитали в нем внутренне великого аскета, делателя Иисусовой молитвы, проводившего ночи напролет в молитве, искусного борца с врагом рода человеческого, а внешне – выдающегося пастыря, наставившего на путь истинно христианского благочестия тысячи русских душ. Неспроста отец Анатолий высоко ценил святителя Тихона Задонского и как величайшую драгоценность дарил людям его книгу «Об истинном христианстве».

Связь писателя со старцем Анатолием была для него глубоко личной, семейной: не только мать и брат, но и будущая супруга находились со старцем в молитвенном, духовном общении.

Как благословите

До середины 1900-х годов старец Анатолий жил в корпусе, находившемся в глубине скита (на север от Иоанно-Предтеченской церкви), в тесной келье рядом с кельей старца Нектария. К старцу Анатолию приходило так много народу, что принимать в скиту стало весьма неудобно. Случалось, что даже настоятелю монастыря архимандриту Ксенофону не удавалось протиснуться сквозь толпу народа, чтобы попасть на исповедь к старцу Анатолию.

В 1908 году умер монастырский духовник иеросхимонах Савва, живший при Владимирской церкви в Оптиной Пустыни. Настоятель отец Ксенофонт предложил старцу Анатолию перейти из скита на место отца Саввы. Старец, проживший в скиту больше половины своей жизни, смиренно ответил: «Как благословите».

Всегда смиренный и никогда не унывающий

В «Летописи скита Оптиной Пустыни» четвертого июля 1908 года было записано: «Сегодня после трапезы прощался с братиею скита скитский иеромонах отец Анатолий, переходящий по распоряжению отца Настоятеля в монастырь с назначением состоять духовником мирян, прибывающих в Оптину Пустынь на богомолье». Письмоводитель скитоначальника старца Варсонофия – отец Никон (Беляев) так описывает в своем дневнике прощание старца Анатолия: «А вчера перебрался от нас из скита в монастырь отец Анатолий... Третьего числа он прощался с нами на трапезе, смиренно поклонился нам в землю два раза. Всегда смиренный и никогда не унывающий. Иным я его не видел. Это единственный иеромонах, которого я видел встающим на колени перед

Батюшкой» (то есть, перед старцем Варсонофием).

Исповедь у Старца обновляла и возрождала

Так отец Анатолий, по благословению отца Настоятеля, переселился в монастырь, в келью при больничной церкви Владимирской Божией Матери. Часто приходилось видеть такую картину: в монастыре полное затишье, не видно даже монахов, а Владимирская церковь открыта и полна народа. Батюшка принимал всех без ограничения времени, несмотря на бесконечную усталость, на мучительную боль от ущемления грыжи, боли в кровотокающих ногах.

Прием посетителей начинался с «обхода». Отец Анатолий выходил в сени и благословлял каждого посетителя. Многие приходили издалека только ради одного этого благословения святого старца. Он имел особенную манеру благословлять: крестил неторопливо, чинно, будто запечатлевал крестное знамение на богомольце, при этом удерживал некоторое время благословляющую руку около чела богомольца, и часто, прозревая и отгоняя недолжные помыслы, легонько ударял несколько раз по макушке пальцами, как некогда делал Старец Амвросий, приговаривая при этом: «...цок, цок, цок...» Иногда за это

время Старцу можно было сказать несколько слов, задать вопрос. Иных же благословлял коротким быстрым знаменiem. Обходя посетителей, давал краткие ответы на задаваемые вопросы, а затем принимал некоторых для отдельной беседы у себя в келье.

Исповедь у Старца обновляла и возрождала. Совершая исповедь в келье, Преподобный обычно подводил посетителя к божнице, ставил на колени, давал читать вслух общее исповедание грехов, а после каждого исповедовал наедине. Во время исповеди он горячо молился за своих духовных чад. На исповеди преподобный Анатолий не оставлял на душе кающегося даже самых малых грехов и не разрешал, если видел нераскаянным даже малый помысл. После же исповеди давал наставления, всегда поражавшие точностью и прозорливостью.

В исповеди монашеской братии главное место занимало откровение помыслов.

"Сосредоточенно, благоговейно подходили монахи один за другим к старцу. Они становились на колени, беря благословение, обменивались с ним в этот момент несколькими короткими фразами. Некоторые проходили быстро, другие немного задерживались.

Чувствовалось, что старец действовал с отеческой любовью и властью. Иногда он употреблял внешние приемы. Например, ударял по лбу склоненного пред ним монаха, вероятно, отгоняя навязчивые приражения помыслов. Все отходили успокоенные, умиротворенные, утешенные. И это совершалось два раза в день: утром и вечером. Поистине, "житие" в Оптиной было беспечальное и действительно все монахи были ласково-умиленные, радостные или сосредоточенно-углубленные. Нужно видеть своими глазами результат откровения помыслов, чтобы понять его значение", — писал И. М. Концевич.

Духовные дары старца Анатолия

Прозорливость старца

Известно множество случаев прозорливости старца. Многим он предсказывал будущие события в их жизни: одному священнику предсказал место служения, инокине - то, что она поедет в Италию. Одна женщина пришла с сыном Димитрием, старец хотел благословить его иконой великомученика Димитрия Солунского, но вдруг сказал сам себе: «Нет, не то», - и благословил образом святителя Димитрия Донского, имя которого и носил мальчик.

Как он все, все понимает!

Раба Божия Мария Михайловна рассказала о поразительном случае прозорливости Старца: «Племянница моя Татьяна Александровна А. рассталась с мужем своим, который уехал куда-то и пропал без вести. Она осталась со своим сыном мальчиком Димой. От мужа уже долго не было вестей, и она решила, что он не вернется никогда. По характеру своему она не могла жить без опоры, боялась одиночества и тосковала. Прошло много времени. Судьба свела ее с человеком, которого она полюбила и была счастлива с ним. Но этот человек вскоре умер. Горе ее было не по ее силам.

Она пришла ко мне в Оптину Пустынь, и я посоветовала ей пойти к батюшке отцу Анатолию. «Ну, зачем я пойду к нему? Что может сказать монах? Что он может понять в моем деле? Конечно, с его точки зрения, я преступница, нарушительница закона, чем может он меня утешить?» Но я продолжала настаивать, и Т. А. пошла к отцу Анатолию, а вернулась от него счастливая, сияющая. «Батюшка меня выслушал. Все понял, сказал, что Борис вернется (Борис - это муж ее). Этого, конечно, не может быть. Но Батюшка! Какой он добрый! Как он все, все понимает!» Это

происходило зимой, а на Пасху того же года вернулся Борис».

Какая это икона?

Духовным чадом старца Анатолия был священник отец Андриан Рымаренко, впоследствии архиепископ Рокландский (США) Андрей. Перед принятием сана в 1921 году он приезжал к старцу Анатолию за благословением. Отец Анатолий сказал: «Тебе надо будет поступить на курсы». Отец Адриан имел высшее образование, но светское, поэтому ему пришлось перед рукоположением заниматься у профессоров богословия и держать специальный экзамен. Отец Адриан спрашивал у старца Анатолия благословения на приход в село Евлоши под Ромнами. Старец в благословение дал пасхальное яичко с изображением иконы Божией Матери и спросил: «Какая это икона?» Отец Адриан сказал: «Смоленская, кажется», а Батюшка ответил: «Нет, Иверская». Первый приход отца Адриана был в Ромнах, в храме, в котором был очень чтимый образ Иверской Божией Матери

Через три недели в свой дом войдешь

Однажды пришел к отцу Анатолию попавший в затруднительное положение крестьянин,

оставшийся с семьей без крыши над головой, имея за душой лишь 50 рублей денег. Ему неоткуда было получить помощи. От горя он впал в отчаяние, по-деревенски закручинился и первым делом решил пропить эти деньги, оставить жену с ребятишками, а самому идти в Москву в работники. Но недаром говорят: утро вечера мудренее. Наутро первая мысль в голову: "Сходи к старцу Анатолию", да и только. И пошел. Подходит под благословение, старец благословляет, как будто в лоб два раза ударяет, и кладет благословение медленно, чинно, а крестьянин и говорит: "Погибаю я, батюшка, хоть совсем умирай".— "Что так?" — "Да вот, так и так..." — и все рассказал крестьянин старцу. Старец Анатолий еще раз благословил его и сказал: "Не падай духом, через три недели в свой дом войдешь". Так оно и случилось, помог ему Господь и дом построить, и другим человеком стать.

Слова отца Анатолия полностью подтвердились

Как часто порывы, по-видимому, благие, продиктованные лучшими намерениями, могут оказаться опасными. Особенно это случается в молодости, когда нет еще ни достаточного опыта, ни связанной с ним осторожности.

Казалось бы, чего проще: поделись со старшими, поступи сообразно их совету, но самые простые решения тому, кто увлечен, кажутся не приводящими к цели. Молоденькая девушка, воодушевленная примером самоотверженного служения сестер милосердия, изо всех сил стремится на фронт. Идет Первая мировая... А для нее мечта о подвиге соединилась с мотивом личным: там, на фронте, он, тот, ради кого она готова оставить своих родных. Дорогой в Оптину, обдумывая предстоящий разговор со старцем, она со всей серьезностью подбирает доводы в пользу того, чтобы ехать. И как хорошо, что к батюшке она отправится без мамы: он, конечно же, поймет и благословит ее, а мать должна будет подчиниться слову старца. Ехала, и улыбалась своим мечтам. В приемной старца Анатолия народу видимо-невидимо. Кого тут только нет! Крестьяне и военные, сановитые дамы с заплаканными глазами и монашечки... Время-то какое! Война...

Мысленно повторяла все, что собиралась сказать батюшке, как вдруг приоткрылась дверь, и из кельи в приемную вышел старичок-монах, и прямо к ней: «А ну-ка иди ко мне». И куда только делась вся смелость: душа в пятки ушла. Улыбка у отца Анатолия ласковая, сам он - благодать и добродушие, а девица наша словно дар речи

потеряла от того, что поняла: батюшка видит ее насквозь. В келье молчание прервал отец Анатолий: «А ты почему маму не слушаешься?» - «Вот, что я тебе скажу: мать твоя лучше тебя знает, тебе на войне не место, там не одни солдаты, там и офицеры; это тебе не по характеру. Когда я был молод, я хотел быть монахом, а мать не пустила, не хотела, и я ушел в монастырь тогда, когда она умерла. Теперь ты вот что мне скажи: замуж хочешь?» Видя, что девушка молчит от того, что ее затея оказалась напрасна, старец продолжал: «Ты сейчас любишь его за красоту! Выходи за него замуж, когда почувствуешь, что жить без него не сможешь. Я знаю случай такой: муж был на войне, когда его убили. Жена в этот же час умирает дома. Вот тогда только и выходи».

Благословив гостью Казанской иконой Божией Матери, батюшка ободрил ее: «Когда приедешь в Петроград, не думай, что тебе нечего будет делать - будешь занята». Вот так, несколькими словами было остановлено ребячливое стремление, последствия которого могли быть непоправимыми. И, удивительно, ни разочарования, ни протеста, ни досады на батюшку, неожиданно принявшего сторону матери, девушка не чувствовала. Все растворила, заполнила собой исходившая от

старца теплота. Пришло и новое, незнакомое прежде чувство: все подаст Господь в свое время, надо только иметь терпение и доверие к Его святому Промыслу. А слова отца Анатолия полностью подтвердились: по возвращении его посетительницы в столицу, ей тут же предложили работать в госпитале, а замуж она вышла за адъютанта штаба дивизии. Такое вот простое, но опытно пройденное, напоминание о важности родительского благословения.

Ищите девушке другого жениха

В другом случае Старец не благословил парню и девушке вступать в брак: «Бог не благословляет. Через время молодые пришли еще раз к Старцу просить благословения: «Бог не благословляет. Ищите девушке другого жениха». Но полюбившие друг друга парень и девушка пришли и в третий раз, упали в ноги. «Ну ладно, венчайтесь. И – вот вам мой подарок». Старец подал полотенце: на одном конце – праздничная вышивка, а на другом – узор черной ниткой. Обвенчались, пошли дети. Но тут неожиданно пришло горе: чахотка враз унесла жизнь мужа. Осталась молодая вдова с сиротами, всю жизнь маялась

Благословляет...уступить жене

Душевная чистота отца Анатолия позволяла ему увидеть некоторые ситуации в несколько ином свете, чем это представлялось не только мирянам, но и священникам. Узнаваемая домашняя ситуация: муж трудится, не покладая рук, над строительством храма, спешит закончить быстрее, на радость людям, а дома немирно - супруга чинит препятствия, и всё недовольна его опозданиями - то обед простыл, то ужин передержала, и вся жизнь идет вразлад. Обращаются к батюшке с просьбой помолиться об умирении строптивного женского сердца. А батюшка, вопреки всем прогнозам, благословляет...уступить жене. Ведь, если распадется семья священника, не больший ли это будет вред для церкви, чем небольшая задержка строительства? За мотивом благим и внешне добрым старец в миг угадывает действие притаившегося в мудровании греха: к благому делу примешалось тщеславие, забота о том, чтобы показаться перед людьми, позабыв о самых близких...

Не терять надежды

К старцу Анатолию несколько раз приезжала замужняя женщина Ольга Петровна М., горевшая любовью к Господу, но имевшая при этом большую скорбь — ее муж был лютеранин.

Все ее попытки склонить мужа к Православию были неудачны, из-за чего дружная семейная жизнь расстроилась. По этому поводу она просила совета и помощи старца Анатолия. Старец твердо сказал ей, чтобы та не настаивала и не уговаривала мужа, но сохраняла семейный мир и не теряла надежды. Муж действительно впоследствии сам принял Православие, не желая разлучаться с женою в вечной жизни. Скончался он православным, и жена похоронила его в Оптиной Пустыни; сама же поступила в Шамординский монастырь.

Дар исцелений

Как и все старцы, имел отец Анатолий великий дар исцелений, но совершал их прикровенно, посылая болящих, как правило, на источник преподобного Пафнутия близ Оптиной или на могилку старца Амвросия или посредством какой-нибудь вещи. Одна духовная дочь старца рассказывала, что однажды батюшка с ней послал грушу ее брату. Она удивлялась, почему именно младшему, а когда приехала, оказалось - он очень болен и врачи говорят, что надежды мало. Брат стал есть грушу по маленькому кусочку и вскоре выздоровел.. Другая духовная дочь рассказывала, как выздоровела,

укрывшись подаренным батюшкой подрясником.

Любовь, которая всё покрывает

У старца Анатолия, в отличие от других Оптиных старцев, не было учеников – продолжателей его старческого служения. Один из его келейников говорил: «Что это вы, Батюшка, все себе таких берете послушников – малограмотных? Отец Варнава – больной, я – неученый, некому будет вас заместить». Старец на эти слова засмеялся, но ничего не сказал...

Его келейниками были отец Варнава и отец Евстигней. Они отличались удивительной простотой и преданностью своему старцу. Быть келейником у старца – особый подвиг. Послушания продолжались «от зари до зари».

Отец Варнава рассказывал о трудностях келейного послушания у Старца: «Трудно было жить. Народу было множество. Все надо было успеть, а с четырех утра до 11 ночи все народ. Бывало, что не так – Батюшка проберет, но сейчас же и обласкает, а за чаем и конфетку или еще что даст, я беру и думаю: «Знаю, знаю, за что конфетку-то даешь!» Один раз готовились соборовать. Я что-то сделал не так. Он меня при всех и разбранил, да так, что в народе смущение

было. А потом, когда кончился собор и все ушли, смотрю, Батюшка бежит ко мне из своей кельи, и я к нему навстречу тоже иду, и он подбежал да бух мне в ноги: «Прости, Бога ради!» Я тоже упал перед ним: так оба и лежим, и просим друг у друга прощения. Я смотрю, когда он встанет. Он встал и меня поднял, и стали мы пить чай. Батюшка был очень горяч. Я ему как-то сказал: «Батюшка, если бы не ваша любовь, которая все покрывает, я бы не прожил у вас и десяти дней».

Когда у отца Варнавы сильно разболелась нога, он не мог служить Батюшке. Решили, что Батюшка возьмет себе другого келейника. Тяжело было отцу Варнаве уходить от любимого Старца: «Перед тем как уйти, напал на меня плач. Льются у меня слезы, так вот и текут, а на душе светло и радостно. Бывало, подедаю что у него или пуцу к нему кого – он занимается, а я брошусь на койку да в подушку и плачу. Когда с Батюшкой сижу за чаем, то все стараюсь не показать вида, что плачу. Уж не знаю, заметил он или нет».

Школа послушания у Старца

Школа послушания у Старца требовала терпения и отсечения своей воли. О плодах послушания Старцу его духовная дочь Анна Ивановна Шапошникова поведала такую историю: «Было

это в октябре – холод страшный. Батюшка меня заставляет идти купаться в Пафнутьевский колодец. «Батюшка, да как же я пойду? Да мне от ваших слов только и то холодно становится. Как же я пойду в воду?» На другой день Батюшка опять посылает меня купаться, и я опять не решаюсь. На третий день вижу, что лицо у Батюшки совсем другое, суровое, он холоден со мною, и опять тот же вопрос о купании. Я испугалась и сейчас же согласилась: «Хорошо, Батюшка, я пойду». Тут же была моя знакомая дама, она попросила у Батюшки благословения и ей пойти искупаться со мною. «А не холодно тебе будет?» – сказал ей Батюшка. «Батюшка, да ведь она-то будет купаться, почему же мне-то холодно?» – «Ну, Бог благословит. Только смотри, не холодно ли тебе будет?» Пошли. Я надела на себя все теплое, и все-таки пока дошла, у меня нос совсем замерз. Пришли к колодцу... сошла в воду, и за молитвы Батюшки вода оказалась совсем теплая: я не только окунулась, но даже поплыла, и когда вышла, то не захотелось обтираться... Было совсем тепло. А дама едва окунет ноги в воду, как уже вся посинеет от холода, и я ее почти без чувств вытаскивала из воды. Так пыталась она несколько раз купаться и не могла. Когда я вернулась, Батюшка встретил меня сияющий и все благодарил за послушание».

Для него не было чужих – каждый был ближним

Старец будто орошал приходивших дождем благодати, близость к нему сама по себе утешала. Архимандрит Борис (Холчев) так передал свое переживание встречи со старцем Анатолием: «Батюшка Анатолий был необыкновенно прост и благостен. Всякий, подходящий к нему, испытывал счастье попасть как бы под золотой благодатный дождь. Само приближение человека к этому старцу уже как бы давало ему чудесную возможность очищения и утешения».

Старец Анатолий встречал незнакомого человека как родного. Для него не было чужих – каждый был ближним, каждая встреча для Старца была уникальна и неповторима. Посетители вспоминают о трепете и волнении преподобного Анатолия при общении даже с молодыми людьми. Старец старался никого не отпустить без какого-нибудь гостинца.

Те, кто пользовался советами старца Анатолия...

Почитателем старца Анатолия был известный московский "старец в миру" святой праведный протоиерей Алексей Мечев. "Мы с ним одного

духа",— говорил отец Алексей. Среди тех, кто пользовался духовными советами преподобного Анатолия, были: архиепископ Серафим (Соболев), митрополит Трифон (Туркестанов), священник Николай Загоровский. В 1905 году у старца Анатолия искал разрешения важных вопросов христианской жизни отец Павел Флоренский.

Митрополит Вениамин (Федченков) всю жизнь хранил в душе воспоминание о встрече со старцем Анатолием: «Через Батюшку... светилося Солнце правды, Христос Бог наш. И люди грелись и утешались в этом свете... Когда Матерь Божия явилась с апостолами Петром и Иоанном святому Серафиму, то Она сказала им: «Сей – от рода нашего!» И того же рода был и батюшка о. Анатолий. Сколько радости, любви и ласки изливалось от его лика на всех смотревших на него в оптинском лесу...»

Памятным событием в истории Оптиной Пустыни было посещение ее в 1914 году Великой Княгиней Елизаветой Федоровной. В первый же день пребывания в Оптиной Великая Княгиня познакомилась с отцом Анатолием, исповедовалась у него, имела со Старцем продолжительную беседу. Осталось тайной, о чем беседовали они, но, безусловно, эта поездка

в Оптину стала духовным приуготовлением Преподобномученицы к ее крестному подвигу...

По благословению отца Анатолия принял в 1917 году священный сан известный духовный писатель протоиерей Валентин Свенцицкий, исповеднически закончивший свою жизнь в ссылке.

Приезды в Петербург

Старец Анатолий несколько раз приезжал в Санкт-Петербург. Во время приезда в 1914 году Старец останавливался в Санкт-Петербургской Духовной Академии.

Один из студентов вспоминал: «Как только стало известно, что приехал в Петербург и находится у нас в академии Оптинский иеромонах отец Анатолий, мы, путешествовавшие в Оптину Пустынь, сейчас же отправились в покои преосвященного ректора академии повидаться с отцом Анатолием и насладиться его общением и его беседой. А он – все тот же: светлый, бодрый, подвижный, любвеобильный, смиренный, и нет ничего удивительного, что на всех видящих его теперь, начиная от преосвященного ректора академии до студентов и служащих в академии, этот смиренный старичок произвел неотразимое впечатление. Пошли же, Господи, мудрому

Старцу, Батюшке с детским лицом и ангельской душой, светлomu подвижнику земли русской, о. Анатолию здоровья и сил еще на многия и многия лета!» (И. Смоличев «По святым обителям»)

Осенью 1916 года старец Анатолий приезжал в Петроград на закладку Шамординского подворья. Об этом пребывании Старца в Петрограде сохранились воспоминания Елены Карцовой, племянницы С. А. Нилуса, будущей супруги И. М. Концевича, ставшей его соавтором в работе над книгой «Оптина Пустынь и ее время»: «1916 год. Осень. Написали мне, что старец Анатолий Оптинский собирается в Петербург и остановится у купца Усова. Все мы втроем – брат, сестра и я – в положенный день отправились к Усовым. Купец Усов был известным благотворителем, мирским послушником Оптинских старцев. Когда мы вошли в дом Усовых, мы увидели огромную очередь людей, пришедших получить старческое благословение. Очередь шла по лестнице до квартиры Усовых и по залам, и комнатам их дома. Все ждали выхода Старца.

Ожидало приема и семейство Волжиных – обер-прокурора Святого Синода. В числе ожидающих стоял один еще молодой архимандрит, который

имел очень представительный и в себе уверенный вид. Скоро его позвали к Старцу. Там он оставался довольно долго. Кто-то из публики возроптал по сему поводу, но кто-то из здесь же стоящих возразил, что Старец не без причины его так долго держит. Когда архимандрит вышел – он был неузнаваем: вошел к Старцу один человек, а вышел совсем другой! Он был низко согнутый и весь в слезах, куда девалась гордая осанка! Их тайный разговор Одному Богу известен! Вскоре показался сам Старец и стал благословлять присутствующих, говоря каждому несколько слов.

Отец Анатолий внешнестью походил на иконы преподобного Серафима: такой же любвеобильный, смиренный облик. Это было само смирение и такая, непередаваемая словами, любовь. Нужно видеть, а выразить в словах – нельзя! Когда мы шли к Усовым, брат и сестра заявили, что им нужно от Старца только его благословение. Я же сказала им, что очень бы хотела с ним поговорить. Когда до нас дошла очередь, Старец благословил брата и сестру, а мне говорит: «А ведь ты поговорить со мной хотела? Я сейчас не могу – приди вечером». Старец уразумел мое горячее желание, хотя я не выразила его словами.

Вечером я снова вернулась к Усовым. Много лиц сидело и дожидалось очереди быть принятыми Старцем. Члены семьи Усовых стали упрекать сидевшую публику в том, что люди чрезмерно обременяют слабого и болезненного Старца. Принимает он людей все ночи напролет. Ноги его в ранах. Страдает он грыжей, он чуть живой. Мне стало стыдно отнимать время Старца, и я ушла домой, не повидавши его. Но теперь думаю, что если прозорливый Старец сказал прийти, надо было не уходить, а дожидаться приема.

Как мне потом рассказывала моя тетя Елена Александровна, близко знавшая весь Оптинский быт, старец отец Анатолий вообще почти не спал, всего себя отдавая молитве и служению людей. Единственно, когда он себе позволял отдых – это было на утрени во время чтения кафизм, когда все в церкви садились. Тогда Старец позволял себе вздремнуть. Некоторые, не знавшие его повседневной жизни, удивлялись, что Старец спит в церкви, но ведь это были единственные минуты его отдыха за все сутки. Недаром его ноги были в ранах от стояния и было страдание грыжей от земных поклонов. У меня до сих пор хранится присланный в 1907 году через тетю образ Святителя Николая – моего небесного покровителя».

Приезд старца Анатолия в Петроград некоторые близко стоявшие к Государю Николаю Александровичу люди хотели использовать, чтобы удалить от царской семьи Григория Ефимовича Распутина, заменив его «настоящим», Оптиным, старцем. Однако старец Анатолий не пошел на это – «ибо не было на то произволения Божия». После закладки часовни Шамординского подворья Старец вернулся в Оптину Пустынь.

Что же в такое время я оставляю святую обитель?

Преподобному Анатолию определено было стать свидетелем исполнения грозных пророчеств Оптиных старцев. Начались гонения на монахов со стороны новых властей. Монахов ссылали, арестовывали, издевались над ними. 10/23 января 1918 года декретом СНК Оптина Пустынь была официально закрыта. В 1919 года первый раз был арестован настоятель Оптиной отец Исаакий.

Чтобы как-то сохранить монастырь, Оптинская братия создала сельскохозяйственную артель. Это было сделано по благословению старцев. Монахов призывали в армию: «Отец Нестор призван на военную службу, забрали их всех, до восьмидесяти братьев в Калугу, двадцать

вернули, а остальных оставили», – писал Старец. Старцев и пожилых монахов, «старичков» власть хотела устроить в богадельню – подальше от народа. Старец Анатолий был готов к исповедничеству: «Мы до конца потерпим с помощью Божиею...»

С каждым днем приходили все более тревожные вести, страшные слухи. Старец при этом сохранял удивительное спокойствие, ободряя тем самым и монашескую братию. Монах Нестор (Сучков) писал в письме об атмосфере в монастыре после революции: «У нас, говорят, будут монахов вешать... В Шамордино было много слез, так что приостановили службу, был просто вопль. Неужели Бог не услышит? Пишу и боюсь, говорят, вскрывают письма... Удивительно, Батюшка очень спокоен».

Во второй половине 1918 года в монастыре стало не хватать хлеба, недоставало вина для Божественной Литургии. Братия терпела голод. Научились делать хлеб из гречневой мякины и давали по триста-четыре грамма. После службы из церкви выходили в большой физической слабости.

Когда духовные чада предложили преподобному Анатолию на время оставить Оптину, он ответил решительным отказом: „Что же в такое время я

оставлю святую обитель? Меня всякий сочтет за труса, скажет: когда жилось хорошо, то говорил: терпите – Бог не оставит, а когда пришло испытание, первый удрал. Если и погонят, то тогда оставлю святую обитель, когда никого не будет. Последний выйду и помолюсь, и останкам святых старцев поклонюсь, тогда и пойду".

Побыть вместе с любимым духовником

В это время старец Анатолий оставался духовником шамординских сестер. «Нам матушка игуменья не позволяла проезжать мимо Оптиной, не заехав к Старцу за благословением», – вспоминала мать Анатолия. Несмотря на трудности, Старец и сам посещал Шамордино. Приезды Старца были праздником для сестер. Когда в июле 1920 года Старец посетил Шамординский монастырь, почти все десять дней его пребывания была дождливая погода, но сестры только радовались, ибо это давало им возможность побыть вместе с любимым духовником.

Старец писал своим чадам: «Эти дни, то есть после своих именин, я нахожусь в Шамордино. Господь послал тихую и хорошую погодуку пятого июля, и я, милостию Божией, приехал сюда хорошо, но сейчас что-то все идет дождик, хотя это для сестер здешних желательно, так как за

непогодю они могут перебыть лишний день дома и заняться со мною, а в ясную погоду все должны быть на лугах и на дачах. Сегодня, восьмого июля, здесь в Шамордино престольный праздник «Казанския Божия Матери». Служба была торжественная и пение хорошее, был крестный ход вокруг монастыря и приезжие монашечки. Спаси их, Матерь Божия. Поусердствовали и пришли сюда на праздничек».

Старец в письмах смиренно просил духовных детей привезти для братии хлеба, благословлял шамординских сестер ездить в другие губернии выменивать хлеб, и каждый раз, по молитвам старца Анатолия, чудесно находились жертвователи хлеба и всегда, несмотря на военные действия, хлеб удавалось благополучно доставить в монастырь.

Исполнил заповедь Господню о любви к врагам

После закрытия монастыря и реорганизации его в сельхозартель старец был арестован. По дороге в тюрьму он тяжело заболел, и ему, ошибочно приняв за тифозного, остригли волосы и бороду. Вернулся он в обитель совсем измученный, еле живой, но со светлой улыбкой и благодарением Господу. Когда его увидели остриженным,

многие не узнали батюшку, а потом очень опечалились. Старец Анатолий веселый вошел в келью и сказал, перекрестившись: "Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!" — и, осмотрев всех, добавил: "Посмотрите, каков я молодчик!".

Потом сел пить чай и весело рассказывал о своей поездке в Калугу: "Как там хорошо! Какие люди хорошие! Когда мы ехали в поезде, у меня была рвота. Дошли пешком, а там владыка Михей почему-то стал требовать лошадь. И зачем это он выдумал? Все братья пошли, а мы сидели в "чеке". Там курили, было душно. У меня поднялась рвота, и меня отправили в больницу, подумали, что у меня тиф. Там меня остригли, но это ничего — так гораздо легче. Доктор такой хороший сказал, что по ошибке счел меня за тифозного и велел остричь,— очень извинялся. Такой хороший! Сторож в больнице тоже очень хороший... Сестра — тоже очень хорошая — была у отца Амвросия... Да, хорошие люди, хорошие...

Знаешь, тот, кто меня арестовал, после сказал, что по ошибке меня арестовал, и просил простить его и даже руку у меня поцеловал. Я сказал, что это ничего, что я очень рад, что съездил в Калугу". Свою "арестантскую" поездку

в Калугу в сопровождении чекистского конвоя, поругания и тяжкие страдания старец описывал с детским беззлобием и райским благодушием — как духовное паломничество. Старец никого не осудил. В тяжких испытаниях он явил правду Божию, исполнил заповедь Господню о любви к врагам: благословлял глумившихся, прощал ненавидевших, молился за обижающих.

Новые гонения

Первые годы после революции старец Анатолий продолжал жить в том же доме неподалеку от Владимирской церкви (в котором после закрытия монастыря расположился музей). У него в распоряжении было три комнаты (спальня, довольно большая приемная, маленькая комнатка для келейника) и так называемая «ожидаляня».

В зимнее время в доме из-за нехватки дров почти не топили. Щепки для топки приходилось разыскивать под снегом.

«Распропагандированная» молодежь была стекла в доме Старца, одну зиму дом простоял с несколькими выбитыми окнами. В морозные ночи вода, если ее забывали вылить, застывала в кружках на столе. Келейное правило читали при свете единственного светильника. Келейники и гости спали, не раздеваясь. На голову, кроме

шапки и платков, надевали башлыки. «При слабом свете и в такой одежде все напоминало древнюю пустыню. Сестра, смотря на эту картину, воскликнула: «Схимничек!» – вспоминала монахиня Амвросия (Оберучева).

Но вскоре старца Анатолия перевели из монастыря в скит – в тот корпус, в котором он жительствова­вал первоначально до 1908 года. Это было третье и последнее переселение Старца. Все это расстроило и без того слабое здоровье Преподобного. Старец при этом сохранял удивительное спокойствие, ободряя тем самым и монашескую братию. «Время страшное и трудное, и тяжелое, и холодное для всех...» – писал Старец духовным чадам.

В 1921 году настоятель монастыря преподобный Исаакий предложил Старцу принять схиму. Во время пострига преподобный Анатолий был так слаб, что не мог сам держать свечу и схимнические обеты произносил едва слышным голосом. Казалось, надежды на выздоровление нет. Но после принятия схимы, по милости Божией, ему сделалось лучше, он стал есть и понемногу подниматься с постели.

Началось новое гонение на братию, насельников монастыря арестовывали и высылали. Более всего новую власть не устраивало пророческое

служение старцев, которые в своих наставлениях укрепляли народ стоять в Православии, с терпением нести попущенные Богом скорби. Монастырь был объявлен „рассадником контрреволюционной пропаганды“.

Так Господь чудно призвал к Себе Своего верного раба

В монастырь двадцать девятого июля 1922 года приехала чрезвычайная комиссия. Старца Анатолия долго допрашивали и хотели увезти. Батюшка сохранял мирное расположение духа и смиренно попросил отсрочить арест на один день, чтобы ему можно было подготовиться в путь. Чекисты согласились, пригрозив келейнику, чтобы завтра Старец был обязательно готов к отъезду. После этого Преподобный уединился у себя в келье. Старец в молитве предал свою душу Богу, он скончался тридцатого июля 1922 года в пять часов сорок минут утра.

На другой день утром приехала комиссия. Спросили келейника: "Старец готов?" – „Да, – ответил он, – готов" и открыл перед посетителями дверь келии, посреди которой уже стоял гроб с телом почившего Старца. Так Господь чудно призвал к Себе Своего верного

раба, исполнившего все Его повеления и заповеди, сподобив Своего угодника в последнюю ночь молитвенно приготовиться „в путь всея земли" и не попустив надругаться над Своим избранным сосудом...

А тут ведь вполне можно положить еще одного

Отпевали старца Анатолия в Казанском соборе – единственном храме, где еще совершалась Литургия. Непрерывно служились панихиды, духовные чада читали Псалтирь, оставаясь на ночь. А близ алтаря Введенского собора готовили могилу. В той самой часовне, где были погребены старцы Амвросий и Иосиф, на том самом месте, где отец Анатолий долго стоял за две недели до своей кончины, повторяя: "А тут ведь вполне можно положить еще одного. Как раз место для одной могилки. Да, да, как раз..."

Когда копали могилу, случайно задели гроб старца Макария. Тело блаженного старца почивало нетленным. Это чудесное знамение стало утешением для братии накануне закрытия Оптиной Пустыни и как бы залогом будущего ее открытия и прославления преподобных отцов Оптинских. Старец Анатолий сподобился быть погребенным возле своего великого аввы – преподобного Амвросия. По свидетельству

очевидцев, могила старца Анатолия после погребения несколько дней благоухала неизреченными ароматами.

Святые мощи преподобного Анатолия Оптинского были обретены 27 июня / 10 июля 1998 года и в настоящее время пребывают в храме-усыпальнице в честь Владимирской иконы Божией Матери. Преподобне отче наш Анатолие, моли Бога о нас!